

1901 г.

*3 января 1901 г. Париж.  
Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.*

Милая, бедная Ладушка,  
как Ты могла додуматься до того, чтобы я стал показывать кому-нибудь в Париже письма Твои; если я не могу не говорить о Тебе, то письма-то святы.

Неужели Тебя не заставляют выезжать? Неужели Тебе самой этого не хотелось? – ведь Ты писала, как весело Тебе на балах. Последние дни я чувствую себя как-то нездоровым - нервы скверные, нервный кашель и общее недомоганье.

А тут ещё последнее письмо Твоё – в конец меня обидевшее. В сегодняшнем хоть вижу, что ожидаешь от меня писем, а то, словно и вовсе мною не интересуешься. Даже работаться мне как-то хуже стало. Сейчас второй час ночи. Вернулся я из театра и нашёл записку Твою, в которой у Тебя хватило сил только на 2 ½ страницы.

Подожду Твоего длинного письма и тогда отвечу длинным же.

3 Января 1901 года

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/150, 1 л.

*[13] Января 1901 г.  
Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В.*

*Январь 1901. Rue de Faubourge St. Honoré, 235.*

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич!

Сегодня получил я письмо Ваше и жестоко ему обрадовался; из Вашего contex'a чувствую, что за это время получена Вами лишь одна моя карточка от 5 янв. н.с., а предшествовавшее письмо и последующая весточка от 30 дек. ст. ст. не дошли, и это мне жалко. Рад, что Вы здоровы и по-прежнему боретесь со злочестивыми, - давай Господи на многие лета такого же взрывчатого пороха и едкой шрапнели на смятение сиана вражеского. Жалко, что не читал статей Ваших. Вы спрашиваете, не думаю ли я назад в Питер тянуть? – Нет ещё, ибо уж очень покойно мне работается здесь, а «вредный» для чего-либо Париж стоит от меня далеко на стороне, ибо живу я, точно в ските. Я очень рад, что имею общение именно с Кормоном; про него могу сообщить Вам изумительные вещи. С первого же визита моего он сказал: «У вас много своеобразного, вы должны сохранить это! Мы слишком цивилизованны, у нас пропала свежесть, берегите её – вы на это способны – у вас есть своя точка зрения!» С этого раза он начал всячески отличать меня; особенно интересовался эскизами, прямо трогательно вдумывался в русские темы. Как мне передавали, в моё отсутствие он говорит обо мне много хорошего. Последний раз я был у него четыре дня т.н.; посмотрел он мои рисунки, сделанные дома и в общей мастерской, сличил их и посоветовал, если есть возможность иметь у себя натуру (я

на это ответил утвердительно), то работать наедине. «Посмотрите, насколько рисунки ваши, сделанные дома, художественнее рисунков из общей мастерской: вы принадлежите к людям, которым необходима интимная художественная атмосфера и на которых *blague* больших компаний действует удручающе». Из эскизов ему особенно понравились: «Предательница» (женщина впускает врагов в город), «Чехарда» (из славянск. жизни), «Священные хороводы», «Очаг» и нек. др. напр., «Идольское», - где фигурирует, между прочим, идол, подаренный мне Вами.

Очень скверное перо – потом сделаю что-либо походнее. В левой части картины ещё идолы (в середине большой), и старик, что при них, ну там жрец, что ли. Он смотрит на реку, и по ней бегут варяжские драконы с цветными парусами. Яркое солнце. На всём должна быть яркая языческая нота. Назвать можно скорее «Святыня». Когда буду иметь фотографию, - вышлю. Работаю я много и спокойно как-то. Кроме немногих дней, посвящаемых музеям, я всегда стою на работе от 9 утра до 5 дня, с малыми перерывами; в Питере никогда столько времени я не работал, поэтому не удивительно, что за три месяца здешней работы я понарисовал и намазал столько, сколько прежде и восемь мес. не делал. Замечаю за собою радикальнейшие перемены; от них же первая – что, когда вернусь на Русь, то выкину вон и навсегда всякие общества и всякие служения. Дело художника настолько свято и высоко, что не понимаю, как смел я от него вырывать целые куски, чтобы бросать их на активное участие в Обществах. Просто два последних петербургских года в смысле художества я считаю за ничто. Вообще за границей больше умеют работать, нежели у нас; когда здесь встречаешь художника, то и не спрашиваешь, что он делает, ибо художник ничего иного не делает, как работает по искусству, а у нас как-то «при искусстве» - в этом направлении и я было уже начал подаваться, в чём и каюсь. Как декаденты-то на меня обрушиваются! – Ещё бы, ведь один я не пошёл на их зов. Если бы они меня не пригласили, то не было бы той ярости, а теперь вышло очень эффектно. Хоть бы пришлось всю жизнь быть одиноким, - всё же лучше, нежели становится рядовым в ряды какой-либо банды.

Париж нагадить мне вряд ли может, т.к. до Парижа, собственно, я имею слишком мало касания; мне всё равно, где именно работать, хоть бы и в Петербурге, но боюсь одного, что там начнутся опять тягания по обществам и разговоры о месте. А уж ни к каким «местам» мне прикасаться не хотелось бы. Сейчас получил газету; в хронике описано открытие декадентской выставки; хитро описано! – перечислены все посланники и не названо ни одной картины. Можно подумать, что «русский художник» и «Бенуа» синонимы, столько этих последних при открытии присутствовало.

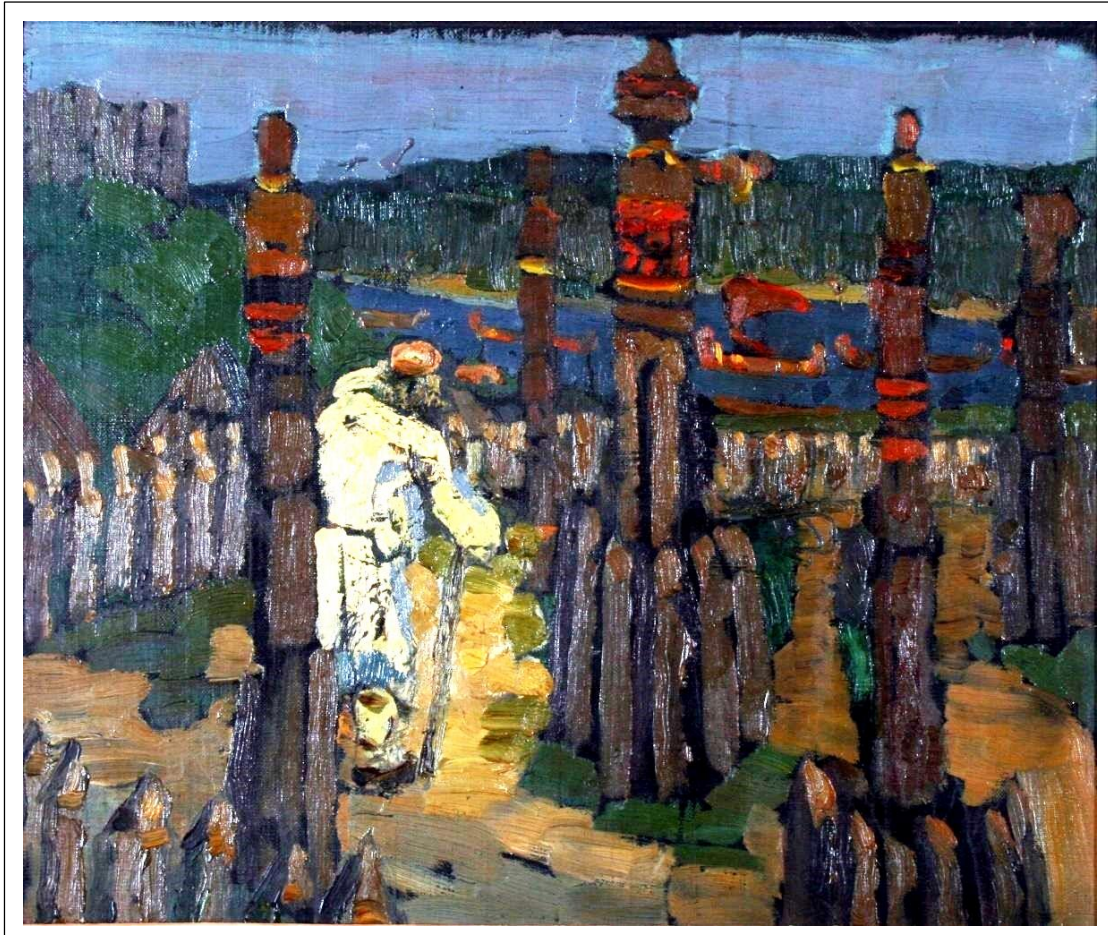
Вам, конечно, известно, что комитет Елисейского Салона был свергнут, а затем выбран в том же составе. Поговаривают о 3-м Салоне «молодых», но это мало правдоподобно.

Если я получу статьи Ваши, буду ужасно рад; так мало в Петербурге осталось людей мне доброжелательных, что по пальцам перечесть. Желая Вам всего доброго от всего сердца.

*Искренно преданный Вам Н. Рерих.*

*Воскресенье.*

Н.К. Рерих. «Письма к В.В. Стасову. Письма В.В. Стасова Н.К. Рериху» СПб. 1993.



Н.К. Рерих. Идолское (Святыня). 1901.

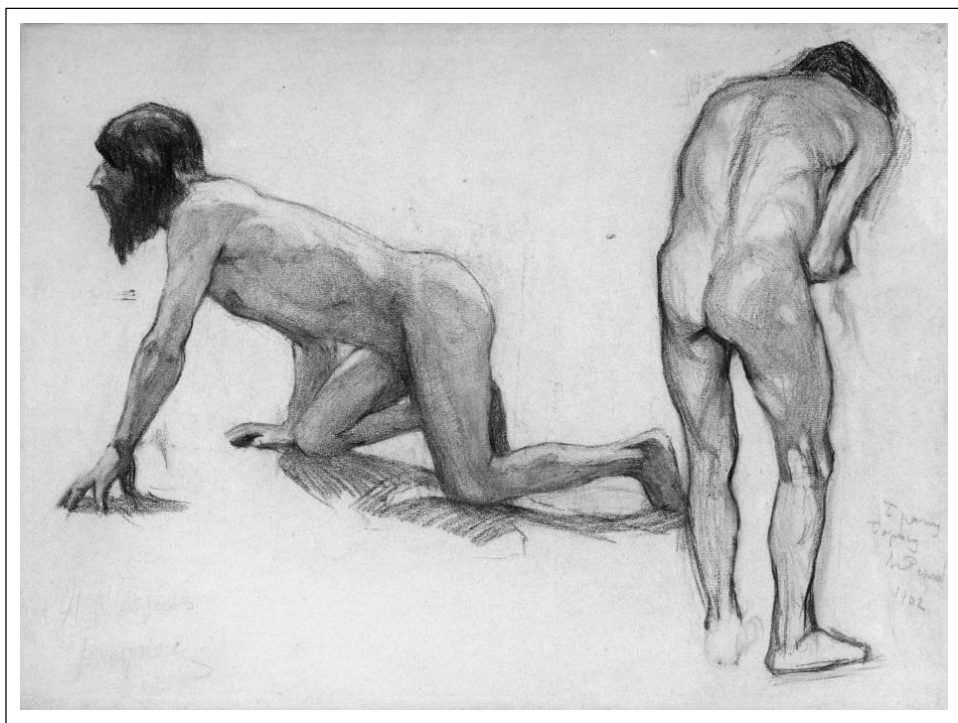
*Из письма К Стасову:*

*«Идолское», - где фигурирует, между прочим, идол, подаренный мне Вами... В левой части картины ещё идола (в середине большой), и старик, что при них, ну там жрец, что ли. Он смотрит на реку, и по ней бегут варяжские драконы с цветными парусами. Яркое солнце. На всём должна быть яркая языческая нота. Назвать можно скорее «Святыня». Когда буду иметь фотографию, - выложу...»*



Н.К. Рерих. Человек с рогом (Юноша, несущий рога каменного барана). 1901.

***«Посмотрел он [Кормон] мои рисунки, сделанные дома и в общей мастерской, сличил их и посоветовал, если есть возможность иметь у себя натуру (я на это ответил утвердительно), то работать наедине...»***



Н.К. Рерих. Два натурщика. 1901.

*9 / 21 Января 1901 г. [Париж])  
Письмо Н. Рериха к Шапошниковой Е.И.*

*Понедельник. 21 Янв. н. с. 1901*

Ты требуешь от меня оправдания, дорогая, и забываешь совсем, что это можно было сделать, когда Ек. Вас. сомневалась в моём дипломе и я мог принести ей подлинник, но как же возможно оправдаться в чувстве. Если я начну говорить, что я люблю Тебя ещё больше и надеюсь и впредь любить, - Ты, наверно, скажешь: "Опять несносные химеры".

Не могу и сказать, как обидело меня это письмо Твоё; в нём как-то вовсе не чувствовалось женской теплоты, оно переполнено каким-то инквизиторским требованием неизвестного оправдания. Ты хочешь меня обвинять в чём-то, а сама разве допускала мысль ради меня лишиться чего-нибудь, со мною поехать для работы в Париж. Как это обидно и больно!

Так как словесные оправдания ни к чему не ведут, оправдать «самого себя» можно только самим собою и долгим временем, то слушай моё слово, моя единственная и правда любимая Лада. Будет время и, если только позволит здоровье, я найду Тебя и спрошу, был ли сделавший то-то и то-то, достоин любви Твоей и целый ряд поступков моих оправдывает ли личность мою, а теперь считай меня погибшим, сгоревшим, умершим, ибо то, что я чувствую, никакими словами не докажешь, а нужны дела, которые по щучьему велению явиться не могут – для них нужно время.

Я люблю Тебя, видит Бог очень люблю, и хорошо и прочно люблю, но если Ты, позорно для меня, во мне сомневаешься и требуешь поступков, то что же делать, надо чтобы они явились, чтобы по ним Тебе стало бы совестно, что Ты оскорбляла подозрениями и сомнениями человека достойного, быть может, чего-либо иного.

Не требуй от меня и карточек и писем Твоих; это моя святыня, и они будут напоминать мне о самом моём чистом, хорошем и святом. Их никто не увидит, а коли помирать буду, то раньше сам уничтожу. Ты была несправедлива со мною; Ты покинула меня в самую трудную для [меня] минуту, когда враги стали торжествовать, то и Ты стала в толпу молчаливых малодушных. Но я люблю Тебя, люблю чистым сердцем, как не любил никого да и не полюблю. Так, как люблю Тебя, так любят только один раз. Я пишу эти слова и плачу, и что-то дрожит во мне страшную болью, ведь только в Тебя верил я. Теперь я уйду окончательно от мира; мне остаётся только одна моя творческая работа, и только ею и её результатами отвечу я на сомнения Твои. Об одном только прошу Тебя дорогая Лада моя, не бросай музыку; человек, владеющий каким-либо искусством, не должен третировать его – это нехорошо. Не бросай музыку и не будь жестока к людям; у женщин больше чутья, нежели у нас, почему оно молчит в Тебе теперь? Неужели Ты не чувствуешь всей боли моей? всего голода моего? Ты ли будешь голодного убеждать, что он сыт? Впрочем, это опять слова-химеры; подождём дела.



Я меняю мастерскую и на время даже уеду из Парижа, а потому, до долгого свиданья моя родная, любимая, всегда памятная Лада.

В напутствие поцелуй, Ладушка милая. Майчика своего; поцелуй меня крепко. Уезжая, я просил Тебя: «Обожди клеймить; обожди с подозрениями», но Ты всё-таки не пощадила. И ведь как сомневаешься-то во мне! – не в одном только чувстве, а вообще, в человеке и в таланте, и во всём. Тяжкие подозрения, трудно смываемые! ... *[вырезан кусок листа - ред.]*

Неужели не заболит у Тебя сердце, читая письмо это? Неужели и тут только суровое слово скажется обо мне? В Тебе всё моё дорогое, и когда и эта почва колеблется, то остаётся слишком мало. А я-то ещё собирался к весне быть в Петербурге, но теперь мне незачем быть там, я там ничего не забыл.

Прощай, Лада моя, прощай радость моя, не поминай лихом на долгое время.

Почему мне выпадает такая суровая дорога? Неужели навсегда придётся таиться только в себе, не подпуская к себе никого?

Ладушка, поцелуй меня. Мне хочется видеть Тебя, хочется заглянуть в глаза Твои, в них светится наверно лучшее, нежели в письмах Твоих.

Родная моя – до свиданья, не знаю, где и когда.

Поцелуй Ек. Вас. и её я очень люблю. Больше писать не могу – плачу.

*Отдел рукописей ГТГ, Ф. 44/151, 3 л.*

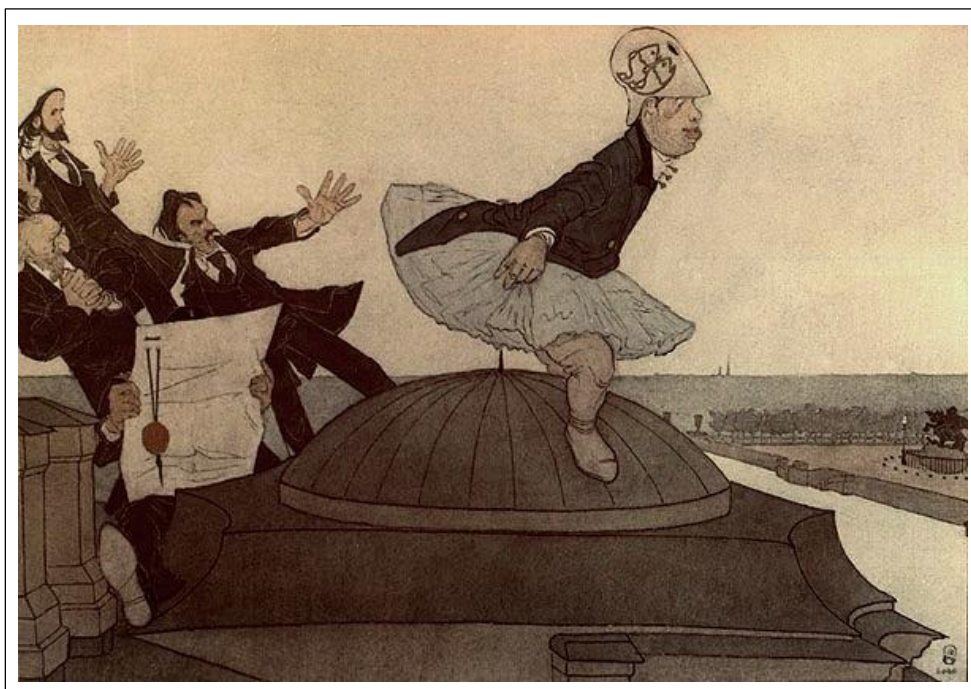
**22 января 1901 г.**

**Письмо В.В. Стасова к Рериху Н.К.**

*С.П.Б. Имп. Публ. Б-ка  
22 янв. 1901*

Наилюбезнейший Николай Константинович, получив на днях Ваше письмо от «Воскресенья» (какого числа, месяца и года – не означено!) спешу послать Вам две статьи свои о «декадентах»: 25 ноября и 4 декабря, которые Вы пожелаете. Буду очень рад, если они Вам хоть немножко понравятся.

Сожалею, что не могу послать Вам сегодня же новую, чудную карикатуру Щербова; в «Шуте» (её, кажется, всю тотчас же расхватили. Она, если не лучше, даже <"доения".> кн. Тенишевой и "раскаяния" Репина, то, по крайней мере, ничуть им не уступает. Представлен широкий, во весь лист, купол Академии Художеств. На нём стоит ногами – Дягилев, в синем вицмундире, но в юбочке танцовщицы <.....>, и в шлеме Минервы; он выгнул свой зад назад, пригнул колени и собирается сесть на купол, давить Академию всею своею тяжестью, но вместе, с приметным удовольствием и улыбкою опускается задом на острый шип, которым увенчан купол Академии. Сбоку четыре протестанта Академии (Беклемишев, Мясоедов, Залеман и Позен) стоят с позами отчаяния и негодования, и всплескивают руками. А вдали, в перспективе, Пётр Великий, на своём монументе верхом, размахнул врозь руками от досады и изумления. Всё вместе - чудесная карикатура!!!



П.Е. Щербов. Карикатура «Новая Минерва». Журнал «Шут». 1901. № 12.

- Меня сильно порадовали Ваши известия о Ваших занятиях, работах и этюдах; также очень приятно, конечно, что Кормон Вас чем-то считает. Это хорошо. Но вот что я Вам скажу: не помню, писал ли и говорил ли я Вам, что в Париже есть человек, который для Ваших дел мог бы быть Вам очень полезен. Это – Волков (Фёдор Кондрат.) профессор антропологии, этнографии и археологии, человек с большой репутацией. Его адрес: Paris, Avenue Reille, № 12. Повидайтесь с ним, спишитесь телеграммами, - я уверен, что останетесь довольны – тем более, что он прекрасный, добрый и милый человек.

- Ах, кстати, что я Вам скажу: в Вашем письме от «Воскресенья» (неизвестного) Вы мне говорите о каком-то Идоле, который я, будто бы Вам подарил - когда это, что это я Вам подарил - ничего не знаю и не помню. Напомните, пожалуйста, я с удовольствием вспомню.

А знаете, Вы премило нарисовали «идолов» в середине письма своего. Ну, баста на сегодня! я никак 5-е письмо теперь вот тут Вам пишу. Позволительно немножко и устать. Пишите. Не забывайте. Если что напечатаю, pošлю Вам.

А свою статью «Искусство XIX-го века» для «Нивы» я на <sup>9</sup>/<sub>10</sub> уже кончил. Когда она напечатается (действительно ли в «Ниве» или отдельно) - авось pošлю и Вам. Только не знаю, когда это совершится.

Пишите, пишите. - Ваш

В.С.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1325, 2 л.

**[Январь 1901 г. Париж]**  
**Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Милая и хорошая Ладушка,  
конечно, Ты представляешь себе моё ликование при первом намёке Твоём о любви, ещё бы! «Ладушка меня любит! Значит, я не ошибся в человеке! Значит, всё светское, условное – всё это наносное, а середина-то, в самом деле, настоящая, интеллигентная, славная, способная на дела». Все Твои выезды, танцы, забрасывание музыки, наконец, полное отсутствие интереса к тому, что со мною происходит – всё это меня словно ножом резало, а Твои телеграфические письма, в которых у Тебя хватало пороку не более, как на 3 страницы, казались мне какою-то насмешкой. Теперь, я думаю, письма будут и по слогу, а главное, по величине иные.

Получил весточку Твою и нестерпимо захотелось мне видеть Тебя и целовать и ласкать. Неужели Тебе вовсе не интересно, что я тут делаю и как себя чувствую?

Но, хоть Ты меня об этом и не спрашиваешь, я всё-таки кое-что расскажу Тебе, в том числе, в первую голову, великий секрет. За это время, кроме рисунков и эскизов, написал я ещё 2 картины. 1 – *охота*, в несколько иной трактовке, нежели прежняя, 2 – *идолы*. Думаю, рискнуть и выставить их в Салоне. Но это большой риск, ибо из 10.000 представленных картин попадает лишь 2.000, и недавно даже картина Васнецова была не принята. Но зато, если посчастливится быть принятым, то это будет большой козырь против всех врагов. Видишь, Твой Майчик даром не сидит, а всё работает и выдумывает, чтобы Ладушка на него радовалась и считала его достойным себя.

Про мои картины, ради Господа, никому ни звука. Даже и Тебе бы не сказал, если б не думал вследствие этой комбинации Тебя пригласить в Париж. Приезжай весною с Ек. Вас. в Париж – вместе и лето проведем, где-нибудь в тихом и здоровом местечке проведем и обдумаем, где нам лучше устраиваться, здесь или в России. Для этого же побывай у Куинджи (если меня любишь) и, рассказав ему о том, что непременно хочешь сделать из меня выдающегося художника, попроси совета, что Тебе со мною сделать. Старик будет тронут и скажет хорошее. Только побывай одна.

Милая Ладушка, после такого промежутка времени и всяких происшествий, мы, кажется, можем сказать, что наше чувство не вспышка, а крепкое и солидное, и мы можем дружно идти и «бороться»; помнишь это слово «будем вместе бороться»? Как я горжусь, что Ты подала мне руку именно на этом слове! Это во всю жизнь не забудется. Прости, моя хорошая, если я Тебе причинял боль, но ведь и мне было нелегко.

Напиши мне, как Ты себя чувствуешь? Уж значит, мне было нелегко, коли мелькнул у меня такой план, что бросить всё и мчаться и рыскать неведомо где.

Поздравляю Тебя с рождением Твоим, впрочем, до того времени ещё напишу. Миленькая, пиши мне и поцелуй меня крепко и приласкай. Ек. Вас. поклон.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/172. 2 л.



*[31 января 1901 г. Париж]  
Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Шапошниковой*

Дорогая Ладушка.  
От всего сердца поздравляю Тебя с Твоим праздником и жду письма Твоего. Прошлый раз у Тебя руки дрожали, и потому Ты не могла написать более 1 ½ стран., но не вечно же будут они дрожать...

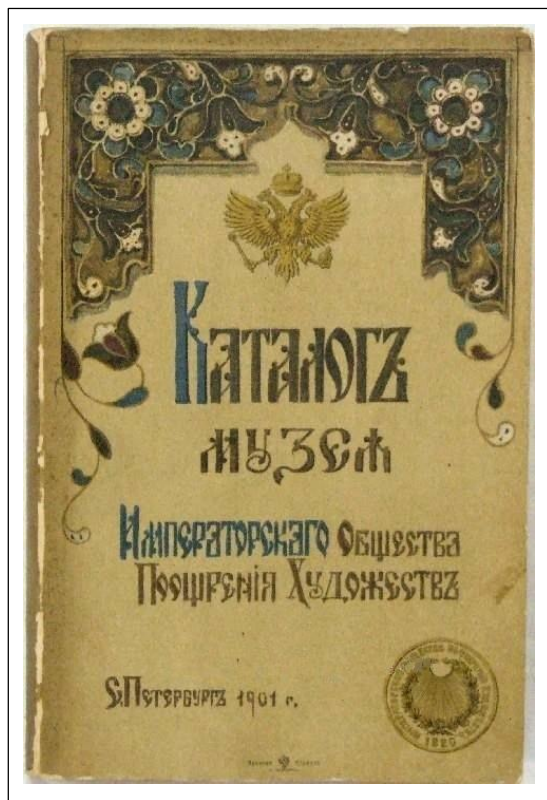
Екатер. Вас. тоже очень поздравляю. О себе не пишу, ибо Тебе это вовсе не интересно.

*Весь Твой Н. Р*

Среда.

Отдел рукописей ГТГ, 44/170, 1 л.

\*\*\*\*\*



#### ХРОНИКА

#### ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ

...В декабрьских заседаниях комитета: сделано распоряжение об отдаче в печать каталога музея Общества, составленного директором музея М.П. Боткиным и помощником его Н.К. Рёрихом...

Художественные сокровища России. 1901. № 1.

\*\*\*\*\*